

Услышав это, Шэнь Лан различил лишь собственное эхо, которое глухо металось между стенами, и никаких других звуков больше не было.

Только что ему показалось, что что-то шевельнулось, но стоило навести уши и прислушаться, как всё стихло. Наверное, слуховые галлюцинации. Неужели он начинает сходить с ума? От этой мысли Шэнь Лану стало немного жутко.

Опираясь на тусклый свет крошечного флуоресцентного светильника, он вернулся в столовую и без сил рухнул на стул. Какая сегодня наступил день? Должно быть, прошло уже несколько месяцев. Шэнь Лан, не глядя, заталкивал в рот только что размороженный сухпай и лихорадочно рылся в памяти.

Сжатый брикет питания, только что вынутый из морозилки, на ощупь был тверже камня. Из чего его делали — оставалось только гадать, и Шэнь Лану требовалось немало времени, чтобы отгрызть хоть крошечный кусочек. Зато он прекрасно утолял голод: бруска размером с кусок мыла хватало, чтобы наесться досыта. На вкус эта дрянь напоминала известь вперемешку с мылом, спрессованную бог знает сколько лет назад и оставленную дозревать до появления плесени. Настоящее мыло, пожалуй, показалось бы куда вкуснее. Помимо этого спрессованного пайка, здесь имелись запасы отличного алкоголя — это было единственное, что нравилось Шэнь Лану в этом месте. Вино оказалось исключительно выдержанным, но невероятно крепким: всего несколько глотков — и Шэнь Лан терял человеческий облик от опьянения. По правде говоря, примерно половину времени своего пребывания здесь он проводил именно в алкогольном забытии.

В этом месте не было смены дня и ночи — царил лишь вечный мрак. Никаких признаков жизни, никакого будущего, только бесконечное одиночество и страх. За исключением слабого лучей света, исходявшего от лампы в углу, здесь всегда простиралась кромешная тьма. Кое-как набив желудок сухпайком, Шэнь Лан лег на стол и принялся с усердием царапать отверткой черты на металлической столешнице. Так он отмечал количество приемов пищи, чтобы хоть примерно вести счет времени. Горизонтальными черточками была исцарапана уже большая часть стола, и еще через месяц, пожалуй, придется перебираться на его обратную сторону. В первые дни после пробуждения он еще старался соблюдать какой-то режим, но потом всё сбилось: иногда, едва поев, он тут же принимался за следующую трапезу, а порой засыпал мертвецким пьяным сном, словно проспав целый век, и принимался за еду лишь после пробуждения, когда придется. Эти густо нацарапанные полосы постепенно теряли всякий смысл.

В этом убежище не водилось даже крыс или тараканов. Появись здесь сейчас хоть комар, готовый впиться в кожу, Шэнь Лан пришел бы в дикий восторг.

Неужели этот мир окончательно обо мне забыл? Эта навязчивая мысль приводила Шэнь Лана на грани истерики, но отогнать ее никак не удавалось. Здесь и сейчас она казалась единственным разумным объяснением происходящего.

Шэнь Лан уже бесчисленное количество раз исследовал эту базу. Судя по всему, она представляла собой заброшенную подземную лабораторию скромных размеров. Помимо

безымянных приборов и аппаратуры, больше всего здесь было холодных шкафов, аккуратно выстроенных в большой комнате. Шкафы тянулись вдоль прохода двумя рядами, по двенадцать штук в каждом, и хранилось в них не что иной, как люди. Через герметичные смотровые окошки виднелись покрытые инеем лица — то ли мертвые, то ли живые, среди них были и мужчины, и женщины, все молодые и крепкие. Шэнь Лан знал, что еще несколько дней назад сам был одним из них, а третий шкаф в левом ряду с распахнутой дверцей когда-то принадлежал ему самому. Похоже, он оказался единственным, кому посчастливилось прийти в себя.

Ежедневная разминка Шэнь Лана, помимо приемов пищи, заключалась в попытках взломать эти шкафы, чтобы найти себе компанию. Однако еще ни разу его попытки не увенчались успехом, и казалось, что в будущем вероятность этого стремится к абсолютному нулю. Шкафы были заперты настолько наглухо, что в щель не пролезла бы и иглолка; Шэнь Лан перепробовал все мыслимые способы, но те оставались недвижимы. Он смутно помнил, что, когда очнулся, был совершенно голым, а дверца его собственного шкафа была открыта. Видимо, в момент пробуждения створка распаивается сама собой. Но вскрыть их снаружи — задача сложнее, чем подняться на небеса.

Человек действительно существо социальное. Жизнь в полном одиночестве способна свести с ума. Шэнь Лан то и дело ловил себя на том, что беспричинно разговаривает сам с собой; он уже сбился со счета, сколько раз орал на эти шкафы, колотил их кулаками, изрыгал проклятия и даже бился о них лбом. Возможно, это были предвестники шизофрении, а может, он уже давным-давно страдал ею?

Неужели ему суждено вот так в одиночку бессильно сгинуть здесь? Сколько бы ни было сухпайков, рано или поздно они закончатся, хотя, вполне возможно, он разобьет себе голову о стену еще до наступления этого дня.

Закончив царапать черточки, Шэнь Лан вернулся в спальню, лег прямо на койку, переоборудованную из операционного стола, и как можно сильнее вытянулся. Первоначальное чувство дискомфорта от сна на операционном столе давно исчезло. Если не считать скромных размеров и неудобства при поворотах, это была вполне приличная кровать, к тому же позволявшая регулировать высоту и угол наклона.

Сегодня он ел уже три раза, а значит, сейчас, должно быть, вечер — пора спать. Сколько еще продлятся такие дни? Быть может, однажды он просто уснет и уже никогда не проснется. Для этого мира его словно и не существовало никогда, так что никто и не узнает, как в каком-то уголке Земли безымянный человек навсегда закрыл глаза на черном операционном столе.

Тогда его только приговорил суд. Смертная казнь, Верховный суд отклонил апелляцию и оставил приговор в силе. Срок истек уже на следующий день: рыдания матери, вздохи отца, всхлипывания девушки — всё неумолимо приближалось к своему финалу, когда в камеру зашел человек в белом халате.

Ну что, упускать такую прекрасную возможность? Человек в белом халате шевелил губами, и в лицо Шэнь Лану несло отвратительным запахом. Стоит тебе поставить здесь отпечаток пальца,

и все твои дела исчезнут из баз данных этой страны и всего мира. Ты станешь человеком, стоящим вне закона. Завтра ты будешь досыта пить вино и есть мясо в другом месте, а не ловить пулю.

Опять эта шарманка. Манипуляции, угрозы, соблазны, допросы — шаг за шагом его, жертву, превращали в приговоренного к смертной казни преступника, которого должны вот-вот этапировать на плацдарм. И теперь, когда дело было сшито накрепко, этот кошмар, казалось, подходил к концу. Он и так потерял абсолютно всё, неужели им нужно выжать из него что-то еще?

Рано или поздно умирать. А что, если я откажусь ставить подпись? Шэнь Лан решил идти ва-банк.

Не знаю, говорили ли тебе, но наша страна собирается повсеместно внедрять смертельные инъекции. Если ты не подпишешь бумаги, то вполне рискуешь стать последним расстрелянным преступником. Кстати, я заглянул в твоё дело: завтра у тебя, кажется, как раз тридцатилетие. Какая памятная дата.

Ты за дурака меня держишь? Без подписи помереть хоть получится быстро, а подписав эту бумагу, сдохнешь еще мучительнее.

Как научный сотрудник государственной лаборатории, я со всей ответственностью заявляю: мы вложили колоссальное количество времени и сил в этот проект, и сейчас до успеха остался всего один шаг. Стоит проекту увенчаться успехом, и твоё имя обессмертит себя в истории.

Хватит вешать лапшу на уши несуществующими вещами. В истории останутся такие, как вы, организаторы. Я впервые слышу, чтобы подопытные крысы попадали в учебники истории. Если вероятность успеха столь высока, почему бы вам не выйти на улицу и не набрать толпу добровольцев? Желających прославиться в веках найдется предостаточно.

Не будь столь упрям. Правительство даёт такому безнадёжному убийце, как ты, шанс внести свой вклад в общество. Ты должен быть благодарен... — человек в белом халате слегка вышел из себя.

Я невиновен! Сколько раз вам повторять, я никого не убивал...

Подобные сны снились ему с завидной регулярностью, раз в несколько дней. Но на этот раз сон прервался на самом полуслове — его разбудил слабый скрип. Шэнь Лан напряг слух, пытаясь уловить хоть звук, но вокруг стояла абсолютная тишина. Опять галлюцинации. За последние дни те же самые призрачные звуки мерещились ему уже неоднократно: в этой дыре, кроме него самого, не сыскать было ни мухи, ни комара, ни таракана, откуда взяться посторонним шорохам? Спать дальше. Главное — чтобы этот сон больше не повторялся.

Раздался оглушительный грохот, будто сверху что-то рухнуло, а следом в помещение потянуло

густым запахом пороха. Шэнь Лан мгновенно подскочил. Помимо едкой гари, он увидел свет! Настоящий свет! Тонкий луч пробился прямо из-под двери спальни. Кто-то ворвался внутрь! Наконец-то кто-то вспомнил о нем!

Снаружи доносился сплошной гам, звуки громящихся предметов, звон разбитого стекла — судя по всему, крушили те самые шкафы. Людей прибыло немало.

Эй, босс, кажется, я слышал живого человека.

С чего бы в такой глухомани взяться живым людям? Не призраки же.

Черномазый, ступай проверь.

Опять я? В прошлый раз тоже я ходил...

Потому что ты и так черный, призраки примут тебя за своего...

Четырехглазый, и ты с ним иди.

Да ладно вам, босс, считайте, что я ничего не говорил. Меньше болта, остальные — следите за порядком.

Дверь распахнулась, и Шэнь Лан лишь ощутил, как глаза внезапно залило ослепительно-белым светом, от которого они едва не ослепли. Он крепко зажмурился.

— И впрямь кто-то есть.

— Эй, ты! Человек или привидение?

— Если не ответишь, я открою огонь!

— Не надо! — Впервые за эти несколько десятков дней Шэнь Лан по-настоящему с кем-то заговорил, но он никак не ожидал, что обстоятельства окажутся столь суровыми. — Не стреляйте, я человек!

— Главарь, он говорит, что он человек.

Один за другим силуэты заслонили дверной проем. Тесный проход вмиг заполнился людьми, и свет уже не так резал глаза. Шэнь Лан прищурился, разглядывая непрошенных гостей. Судя по виду, они не походили на тех людей в белых халатах, что притащили его сюда. На этих была самая разношерстная одежда на зависть любому маскараду, к тому же от них разило так, будто

они не мылись по меньшей мере несколько месяцев, и комнату мгновенно заволокло кислым запахом пота. Каждый вооружен до зубов — скорее смахивают на наемников. Неужели сейчас идет война? Он провел в этой дыре от силы несколько месяцев, неужели внешний мир перевернулся с ног на голову?

— И впрямь человек, надо же.

— Подумаешь, редкость — человек. Ты что, не видишь, сколько снаружи мертвецов? Редкость как раз в том, что этот — живой.

Мертвецами, должно быть, назвал тех, кто лежал в камерах. Неужели камеры отперли?

— Ладно, хорош возиться, уводим этого типа. Берите всё съедобное и полезное, ничего не оставляйте, живо!

— Есть, главарь! И добра тут навалом, не зря братья горбатились столько дней.

— Шевелитесь! До наступления темноты перетащите всё в лагерь, живо, живо, живо!

Толпа разбрелась по сторонам и принялась за работу. Двое подхватили Шэнь Лана под руки и поволокли наружу. Проходя по коридору, Шэнь Лан заметил взломанные камеры: лежавшие внутри люди безвольно завалились набок, их лица, еще недавно покрытые белым инеем, при соприкосновении с воздухом посинели — они были мертвы. Переступая порог базы, Шэнь Лан увидел на полу сорванную табличку с надписью: Биологические образцы.

Чтобы уберечь глаза от слепящего света, Шэнь Лан натянул на голову черный мешок и позволил усадить себя в автомобиль. Впрочем, Шэнь Лану казалось, что это больше смахивает на трактор: его так жутко трясло, а двигатель издавал звуки, похожие на хрип старого быка — казалось, он заглохнет в любую секунду, да и грохот стоял такой, что любой трактор позавидовал бы.

В голове Шэнь Лана царил полнейший хаос. Что это вообще за место? Эти люди выглядят как банда вооруженных головорезов, с какой стати он угодил к ним в лапы? Где полиция? Куда подевалась полиция? Шэнь Лан так и рвался сорвать с головы мешок, чтобы взглянуть, где он находится, но поступи он так — и, пожалуй, навсегда лишился бы зрения. К счастью, день клонился к закату, и глаза вскоре должны были привыкнуть.

— Как тебя зовут? — тонкий женский голос прозвучал прямо над ухом. Голос был немного холодным, лишенным всяких эмоций, но для Шэнь Лана, впервые за долгие месяцы услышавшего живую человеческую речь, это звучало как небесная музыка.

— Шэнь Лан.

— Сколько лет?

— Тридцать.

— На тридцать ты не тянешь.

Шэнь Лан потер щетину и горько усмехнулся. Жесткие, густые волосы не сбривали с самого момента его пробуждения, и на лице уже красовалась окладистая борода, а шевелюра почти доходила до плеч.

— Где я? Куда мы направляемся? — Шэнь Лан задал вопрос, который волновал его больше всего.

— В лагерь.

— Какой лагерь?

Собеседница не ответила, лишь бросила:

— Какой твой номер?

— Номер? Какой еще номер?

— Забудь.

Последовало молчание. Судя по всему, хозяйка голоса не любила попусту трепать языком.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она снова заговорила:

— Вылазь, приехали.

Когда его помогли выбраться из машины, уже почти совсем стемнело. Скинув мешок, Шэнь Лан прищурился, осматривая окрестности. Неподалеку несколько человек развели костры. Свет пламени слегка резал глаза, но к нему уже можно было кое-как привыкнуть.

Бросив лишь беглый взгляд по сторонам, Шэнь Лан остолбенел. Разве это тот самый город, который он знал? Из жертвы он превратился в подозреваемого, затем получил смертный приговор, а пока тянулось рассмотрение апелляции и дело шили белыми нитками, он почти три года был оторван от общества. Если добавить время, проведенное в подземной базе, набегало максимум года четыре. Неужели за четыре года внешний мир изменился настолько неузнаваемо, что он не видит ни единой знакомой детали?

Место, где они находились, судя по всему, было стадионом — или бывшим стадионом. Под ногами простиралось футбольное поле, но от газона не осталось и следа. Вместо него периметр укрепили камнями, мешками с песком, обломками старых машин и сваренными вместе листами железа. В этой стене прорубили густые ряды бойниц, образовавших надежное кольцо обороны. Кресла на трибунах полностью демонтировали, превратив сами трибуны в естественный внешний рубеж, где патрулировали бойцы с оружием наперевес. По четырём углам света высились самодельные смотровые башки.

Машина, на которой он приехал, оказалась разбитым в хлам внедорожником, словно наспех сбитым из нескольких кусков железа, а шедший впереди головной дозор и вовсе передвигался на танке — с натяжкой в нем угадывался знаменитый Т-34 времен Второй мировой, только без пушки. На башню кустарным способом водрузили старый тяжелый пулемет Максима, а вместо гусениц голые железные катки пропахивали в земле глубокие колеи.

Вокруг стоял невообразимый галдеж: мужчины шумно пересчитывали добычу, женщины хлопотали над ужином. Практически у каждого за спиной или на бедре болталось какое-нибудь оружие либо нож, а на земле валялись груды стволов на любой вкус и цвет: от Мосина, Арисаки, М1, М14 и М16 до знаменитого АК-47. Все эпохи, все страны и системы собрались под одной крышей — хоть выставку старого стрелкового оружия открывай. Несколько чумазых ребятишек с соплями до носа бегали вокруг, с любопытством и смехом разглядывая чужака.

Стоило прогреметь нескольким раскатистым взрывам, как массивные железные ворота на севере и юге со скрипом задвинулись. Наступила глухая ночь.

В голове Шэнь Лана царил полный ералаш, он растерянно таращился по сторонам — этот город казался одновременно таким родным и таким чужим. Наступило время ужина, и аромат крошечного кусочка мяса вернул Шэнь Лана в реальность. Какая-то женщина протянула ему этот лакомый кусок и пиалу жидкой, просвечивающей насквозь похлебки из неведомых злаков. Шэнь Лан поблагодарил ее и бережно положил мясное угощение в рот, тщательно пережевывая. Что это за мясо, он не знал, но без сомнений — это была самая вкусная еда на свете. Похлебка казалась неизмеримо лучше пресных замороженных сухпайков, от которых сводило зубы. Осушив миску за один присест, он испытал странное чувство, словно родился заново.

— Ступай сполоснись, воняешь как труп. — Кто-то швырнул к ногам Шэнь Лана таз с водой. Поначалу, едва очнувшись на базе, Шэнь Лан еще старался каждые несколько дней протирать тело питьевой водой из бутылок, но запасов никто не пополнял, и тратить питьевую воду на мытье было непозволительной роскошью — стоило ей кончиться, как наступила бы верная смерть, так что он быстро бросил это дело. Теперь же он даже не представлял, сколько времени не мылся.

Шэнь Лан с силой понюхал себя под мышкой — извергаемый аромат и вправду отдавал затхлостью. Отыскав в укреплении укромный угол, он той же водой сполоснул лицо, вымыл голову и тело — водные ресурсы здесь расходовались с предельной эффективностью. Похоже, с водой тут тоже было туго.

Закончив мыться, он нашел осколок стекла и сбрил бороду, а волосы собрал на затылке в хвост. Глянув на свое отражение в зеркальном осколке, он наконец-то снова стал похож на человека.

— А принарядившись, ты вполне ничего, — раздался над ухом голос. Шэнь Лан поднял глаза: перед ним стояла молодая женщина с каштановыми короткими волосами, аккуратным носом и тонкими губами, но с совершенно ледяным выражением лица. Она показалась ему смутно знакомой, он напряг память, но так и не смог вспомнить, где мог ее видеть. Через плечо у нее была перекинута длинная винтовка М14, дульный срез которой почти волочился по земле, а на бедре висел пистолет М1911. В голенище высоких армейских ботинок красовался американский уставной тесак, придавая ей дикий, опасный вид. По голосу он сразу узнал ту самую незнакомку, что допрашивала его в дороге.

— На, держи.

Прямо перед носом заманчиво запахло: протянутая рука держала жареное кроличье бедро, с которого капал жир, источая аппетитный аромат.

— Чего уставился? Бери.

— Спасибо.

— Садись вон туда, позже будут вопросы, — бросила девушка, кивнув на самый большой костер у защитного вала, вокруг которого шумно пили, ели и ругались больше сотни человек. Почти все они были мужчинами: от едва перешагнувших порог совершеннолетия юнцов до седовласых ветеранов, причем большинство составляли крепкие мужчины в самом расцвете сил, и каждый вооружен до зубов. Судя по всему, это и была главная ударная сила лагеря. Женщины и дети жались друг к другу у костра поменьше.

Шэнь Лан нашел свободное место и устроился на земле, осторожно сжимая в руке кроличью ножку, а девушка села рядом. Бросив опасливый взгляд по сторонам, он заметил, как несколько пар глаз злобно уставились на его добычу — от таких взглядов кусок застревал в горле, и Шэнь Лан не знал, то ли ему есть, то ли положить еду обратно. Неподалеку другие молча и яростно хлебали жидкую кашу, с чавканьем сражаясь с пустой миской, а те, кто уже расправился с едой, соскребали пальцами остатки со дна и отправляли в рот.

На самом почетном месте в центре восседал плечистый бородач — судя по всему, их главарь.

<http://bllate.org/book/21118/2142781>